IQRO JURNALI , IQRO JOURNAL, ИКРО ЖУРНАЛИ
ISSN:2181-4341| wordlyknowledge.uz/index.php/iqro
Volume 24. Issue 01. Oktabr, 2026

ТАКТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТОВЕРНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Зиёдуллоев Абдулазиз Зафарович
Магистр юриспруденции, независимый исследователь
e-mail: ziyodullaev04@gmail.com
Тел.: +998-90-126-12-21
https://doi.org/10.5281/zenodo.23152037

Аннотация: В статье рассматриваются процессуальные и психологические особенности проведения допроса. Анализируются особенности установления психологического контакта между участниками допроса, причины возникновения конфликтных ситуаций и допустимые пределы психологического воздействия на допрашиваемого. Отдельное внимание уделяется разграничению правомерного психологического воздействия и принуждения, а также возможности правового регулирования применения полиграфа.
Ключевые слова: допрос, психологический контакт, психологический конфликт, методы психологического воздействия, полиграф, доказательство.

Аннотация: Мақолада сўроқ қилишнинг процессуал ва психологик хусусиятлари кўриб чиқилади. Сўроқ иштирокчилари ўртасида психологик алоқа ўрнатиш хусусиятлари, низоли вазиятларнинг юзага келиш сабаблари ҳамда сўроқ қилинувчига психологик таъсир кўрсатишнинг йўл қўйиладиган чегаралари таҳлил қилинади. Қонуний психологик таъсирни мажбурлашдан фарқлаш, шунингдек, полиграфдан фойдаланишни ҳуқуқий тартибга солиш имкониятларига алоҳида эътибор қаратилади.
Калит сўзлар: сўроқ қилиш, психологик алоқа, психологик низо, психологик таъсир кўрсатиш усуллари, полиграф, далил.

Abstract: The article examines the procedural and psychological aspects of interrogation. It analyzes the specific features of establishing psychological rapport between the participants in an interrogation, the causes of conflict situations, and the permissible limits of psychological influence on the person being interrogated. Particular attention is paid to distinguishing lawful psychological influence from coercion, as well as to the prospects for legal regulation of the use of the polygraph.
Keywords: interrogation, psychological rapport, psychological conflict, methods of psychological influence, polygraph, evidence.

Введение. В условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан особое внимание уделяется соблюдению законности при сборе доказательств. Доказывание требует не только соблюдения установленных законом процессуальных правил, но и понимания психологических особенностей коммуникации участников уголовного процесса.

В ходе расследования уголовных дел следователь или дознаватель (далее в тексте – следователь) неизбежно устанавливает определенные психологические связи с участниками уголовного процесса, характер которых определяется специфическими условиями и задачами процессуального доказывания. Эти связи служат цели получения достоверных сведений и доказательств, необходимых для принятия законного и обоснованного процессуального решения. Особенности и закономерности психологических взаимоотношений наиболее ярко проявляются в ходе допроса, что связано с устно-речевым характером данного следственного действия и преобладающим значением вербальной информации при формировании доказательств.

Известно из общей психологии, что любое межличностное взаимодействие, направленное на обмен информацией, невозможно без взаимного психологического контакта. В контексте допроса специфика психологического взаимодействия не является исключением.

Методы исследования. Методологическую основу исследования составил комплексный междисциплинарный подход, объединяющий знания в области уголовно-процессуального права, криминалистики и юридической психологии. В работе использован формально-юридический метод для анализа норм законодательства Республики Узбекистан, регулирующих порядок проведения допроса. С помощью сравнительно-правового метода изучен зарубежный опыт применения технико-криминалистических средств, в том числе полиграфа, в правоохранительной деятельности различных государств. Это позволило выявить особенности установления психологического контакта, а также основные причины возникновения конфликтных ситуаций при допросе участников процесса.

Результаты исследования и их обсуждение. Как справедливо подчеркивает Р.Л. Ахмедшин, допрос относится к числу коммуникативных следственных действий, в ходе которых следователь неизбежно вступает в психологически сложное взаимодействие с допрашиваемым, нередко приобретающее характер противоборства сторон, имеющих различные процессуальные интересы [1].

Соглашаясь с позицией автора, следует отметить, что его подход обладает более широкой методологической основой, чем классические концепции допроса. Отнесение допроса к группе коммуникативных следственных действий позволяет учитывать при его анализе современные достижения теории общения, социальной психологии и невербальной коммуникации, что, на наш взгляд, наиболее точно отражает сущность допроса в условиях современного уголовного судопроизводства.

Рассматривая допрос как особую форму коммуникативного взаимодействия, следует выделить две ключевые проблемы, заслуживающие углубленного изучения: во-первых, природу психологического контакта с допрашиваемым; во-вторых, проблему допустимости психологического воздействия на допрашиваемого [2].

Взаимодействие следователя с допрашиваемым носит двойственный характер, поскольку основывается на двух психологических явлениях - психологическом контакте и психологическом конфликте. Психологический контакт является важным элементом межличностного взаимодействия, так как он включает в себя процессы коммуникации, взаимного влияния, эмпатии и взаимопонимания. Возможность его установления

возникает лишь тогда, когда участники осознают необходимость совместной деятельности или общения.

По мнению В.Л. Васильева, целью психологического контакта является нахождение общих интересов следователя и допрашиваемого, что в ходе допроса проявляется в переходе от психологического «я» к психологическому «мы» [3]. Данный подход акцентирует внимание на установлении внутренней готовности допрашиваемого к сотрудничеству со следствием.

По нашему мнению, концепция автора представляется психологически точной, однако в условиях реальной следственной практики далеко не всегда достижимой, поскольку переход от «я» к «мы» возможен в бесконфликтных ситуациях допроса свидетелей и потерпевших, но крайне затруднителен при допросе подозреваемого или обвиняемого, чьи интересы объективно противоречат интересам следствия. Поэтому данная модель должна рассматриваться не как универсальная цель, а как идеальный вариант коммуникации, к которому следует стремиться.

Иной подход развивает Р.Л. Ахмедшин, рассматривающий психологический контакт как ситуативное, динамически развивающееся отношение, направленное на оптимизацию процесса получения показаний [4]. Ученый подчеркивает, что психологический контакт не сводится к дружественному расположению допрашиваемого к следователю – это может быть и «вынужденный» контакт, основанный на осознании допрашиваемым бессмысленности противодействия следствию.

Соглашаясь с данной позицией, отметим, что ее трактовка в большей степени соответствует реалиям следственной практики, ведь представление о психологическом контакте как о динамическом отношении, способном изменяться в ходе допроса, позволяет следователю гибко адаптировать тактику в зависимости от поведения допрашиваемого. Такой подход, на наш взгляд, должен быть взят за основу при разработке тактических рекомендаций для следователей.

Согласно позиции Т.А. Алексеевой, установление психологического контакта является важнейшим этапом индивидуализации тактических приемов допроса, а его поддержание требует от следователя не разового усилия, а постоянной коммуникативной работы на протяжении всего следственного действия [5].

Данная позиция заслуживает поддержки, поскольку акцентирует внимание на длительном, процессуальном характере психологического контакта. Практика показывает, что даже установленный в начале допроса контакт может быть утрачен в силу неосторожных действий следователя – резкого тона, демонстрации предвзятого отношения, игнорирования ходатайств допрашиваемого, в связи с чем допрашивающий обязан непрерывно контролировать динамику психологического взаимодействия.

Вместе с тем, взаимодействие следователя и допрашиваемого может приобретать и форму психологического конфликта, возникающего в случаях расхождения целей и установок участников общения. Такой конфликт проявляется, например, в предоставлении допрашиваемым ложных показаний или полном отказе от сотрудничества со следствием.

Раскрывая причины возникновения конфликтных ситуаций в ходе расследования, С.Б. Россинский подчеркивает, что в основе любой конфликтной ситуации при производстве

следственных действий лежит объективное противоречие между процессуальными позициями и интересами сторон, так как следователь стремится к установлению истины, а подозреваемый и обвиняемый, как правило, – избежать уголовной ответственности или смягчить ее, что закономерно порождает противоборство [6].

По нашему мнению, позиция исследователя является более методологически обоснованной по сравнению с традиционными представлениями о психологическом конфликте при допросе. Ученый обоснованно указывает, что психологический конфликт не следует воспринимать как отклонение или исключительно деструктивное явление, поскольку он представляет собой нормальную и объективную особенность многих допросов. Признание этого факта освобождает следователя от иллюзорного представления о возможности достижения полного взаимопонимания в каждом допросе и позволяет сосредоточиться на разработке тактики преодоления противоборства в рамках закона.

Противостояние сторон при допросе должно происходить строго в рамках процессуальных норм. Должностное лицо, ведущее допрос независимо от личного отношения и эмоций, обязано сохранять сдержанность, корректность и внимательно рассматривать ходатайства и обращения допрашиваемого. Проявление следователем агрессии, раздражения или неуважения не только противоречит нормам профессиональной этики, но и снижает эффективность допроса, поскольку провоцирует ответное эмоциональное противодействие.

Психологическое взаимодействие между следователем и участниками уголовного процесса (в частности, с подозреваемым и обвиняемым) неизбежно сопровождается взаимным влиянием. Хотя допустимость такого воздействия требует четкого регулирования, действующее отечественное уголовно-процессуальное законодательство не содержит конкретных ограничений, касающихся применения психологических и тактических приемов. Вместе с тем нормы, направленные на защиту прав и свобод личности в условиях допроса, содержатся в ряде международных правовых актов.

В частности, согласно ст. 21 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме [7], запрещено злоупотреблять положением задержанного или заключенного лица для оказания давления с целью вынудить его к признанию, изобличению самого себя либо даче показаний против других лиц. Во время допроса задержанное лицо не должно подвергаться насилию, угрозам или применению таких методов, которые нарушают его способность принимать решения или выносить суждения.

По мнению М.И. Еникеева, применение психологического воздействия в отношении обвиняемого и подозреваемого может считаться допустимым и правомерным лишь при соблюдении таких ключевых условий, как соответствие закону, направленность используемых приемов на установление истины, избирательность воздействия, а также соблюдение норм профессиональной этики, нравственности и морали [8].

Критерии допустимости методов психологического воздействия, сформулированные автором, на наш взгляд, полностью согласуются с действующим отечественным уголовно-процессуальным законодательством. Нарушение этих критериев влечет признание

следственного действия недействительным, а полученных доказательств – недопустимыми.

Психологическое воздействие не может быть полностью исключено из числа тактических приемов, применяемых следователем в ходе допроса. В рамках своих полномочий он обязан стремиться побудить допрашиваемого отказаться от ложных показаний и сообщить достоверные сведения. Законное воздействие служит достижению главной цели уголовного процесса – установлению истины.

В практике следственной деятельности в отношении лиц, сознательно уклоняющихся от дачи правдивых показаний, могут применяться три основных метода психологического воздействия: убеждение, внушение и принуждение [9].

Убеждение представляет собой воздействие, направленное на формирование внутренней позиции допрашиваемого, отвечающей целям и задачам правосудия. В результате такого воздействия лицо добровольно приходит к осознанию необходимости отказа от ложных показаний. Эффективное убеждение требует от следователя высокой профессиональной подготовки, знаний в области юридической психологии и умения аргументированно излагать правовую позицию.

Внушение подразумевает воздействие, основанное на некритическом восприятии информации со стороны допрашиваемого. Лицо, подвергшееся внушению, склонно выполнять рекомендации и указания без полноценного осознания их последствий и реальной целесообразности. Поскольку подобное воздействие может подрывать свободу выбора допрашиваемого, законодатель вводит ограничения, например, запрет на постановку наводящих вопросов (ст. 102 УПК РУз [10]). Вместе с тем, полностью исключить элемент внушения из допроса невозможно, поскольку сам факт присутствия следователя, его авторитет и обстановка кабинета уже оказывают определенное внушающее воздействие. Поэтому задача следователя заключается не в устранении внушения в целом, а в недопущении его применения как основного средства получения показаний.

Принуждение представляет собой метод воздействия, при котором лицо вынуждено действовать вопреки своей воле под угрозой неблагоприятных правовых последствий, таких как уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний, предусмотренная статьями 238 и 240 Уголовного кодекса Республики Узбекистан [11].

По нашему мнению, среди методов воздействия на уклоняющихся от правдивых показаний наиболее эффективен метод убеждения. Он не противоречит нормам допроса и реализуется через разъяснение ошибочности позиции допрашиваемого, предъявление доказательств и применение информационных маневров.

В научной литературе методы психологического воздействия, применяемые в следственной практике, принято классифицировать с точки зрения их соответствия правовым и этическим нормам - на допустимые и недопустимые, законные и противоправные, правомерные и неправомерные. Основным критерием, разграничивающим законное психологическое воздействие и психологическое насилие, является наличие у допрашиваемого свободы выбора, которая должна быть реальной, а не результатом предварительного давления. Допустимыми считаются формы

психологического воздействия, способствующие принятию решений в благоприятных условиях, поддержанию позитивного психического состояния и проявлению личностных качеств человека.

Важно различать психологическое и процессуальное принуждение, поскольку первое является незаконным, а второе допускается в рамках закона. Процессуальные меры направлены на предупреждение и пресечение действий, препятствующих надлежащему расследованию уголовного дела.

Сложность разграничения допустимого психологического воздействия и получения достоверной информации в условиях конфликта обусловливает необходимость поиска объективных методов ведения допроса, среди которых особое место имеет применение полиграфа (детектора лжи). В последние десятилетия данный технико-криминалистический метод получает все более широкое распространение в правоохранительной практике многих государств, включая США, Японию, Польшу, Израиль, Республику Казахстан и Российскую Федерацию.

Полиграф представляет собой многоканальное регистрирующее устройство, позволяющее одновременно фиксировать такие физиологические реакции человека, как частота дыхания, артериальное давление, частота сердечных сокращений, электрическое сопротивление кожи в ответ на задаваемые вопросы. Научной основой его применения является эмпирически установленная закономерность – эмоциональное напряжение, сопровождающее ложь или сокрытие значимой информации, неизбежно отражается в физиологических функциях организма, которые не поддаются полному сознательному контролю.

Как отмечает Я.В. Комиссарова, опрос с применением полиграфа не подменяет собой допрос, а является самостоятельным научно обоснованным методом получения ориентирующей, а в ряде случаев и доказательственной информации в рамках психофизиологического исследования либо судебно-психофизиологической экспертизы [12].

Данная позиция заслуживает полной поддержки, поскольку она четко разграничивает два различных по правовой природе действия, собственно допрос (следственное действие) и опрос (исследование) с применением полиграфа. Смешение этих понятий, нередко встречающееся в юридической литературе, ведет к неверным выводам о якобы «допросе на полиграфе». В действительности полиграф не заменяет протокольную фиксацию показаний, а лишь предоставляет следствию дополнительную психофизиологическую информацию, которая может служить основанием для выдвижения версий и планирования следственных действий.

Ю.И. Холодный обосновывает тезис о том, что результаты судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в принципе могут иметь доказательственное значение, однако лишь при соблюдении научно обоснованной методики ее проведения, квалификации эксперта и процессуальной формы, в противном случае неизбежны серьезные риски ошибок и нарушения прав участников уголовного процесса [13].

Поддерживая данную позицию, отметим, что предоставление доказательственного значения результатам полиграфического исследования – вопрос крайне сложный. С одной

стороны, современные полиграфы и методики достигли высокого уровня точности (по ряду данных - 85–95%), с другой – остающаяся вероятность ошибки (5–15%) в условиях уголовного процесса, где на кону судьба человека, представляется недопустимо высокой. Поэтому, на наш взгляд, результаты полиграфической проверки должны рассматриваться прежде всего как ориентирующая информация, а не как самостоятельное доказательство.

В.А. Варламов и Г.В. Варламов в фундаментальной работе, посвященной компьютерной детекции лжи, подробно анализируют методики проведения полиграфических исследований и подчеркивают, что их эффективность прямо зависит от профессиональной подготовки полиграфолога, правильного формулирования контрольных вопросов и установления надлежащей психологической обстановки [14].

Данная позиция представляется обоснованной, поскольку полиграф не является «машиной правды», а выступает лишь инструментом, эффективность применения которого напрямую зависит от профессиональной подготовки специалиста. Перспективы внедрения полиграфа в отечественную следственную практику неразрывно связаны с организацией системы профессиональной подготовки полиграфологов на базе ведомственных учебных заведений.

В действующем отечественном уголовно-процессуальном законодательстве использование полиграфа прямо не регламентировано, что создает определенную правовую неопределенность, с одной стороны, отсутствует прямой запрет на его применение, с другой – отсутствует и четкий процессуальный порядок его применения. Устранение этого пробела является актуальной задачей отечественного законодателя.

Заключение. В завершение следует отметить, что эффективность допроса на стадии досудебного производства во многом определяется способностью следователя выстраивать и поддерживать устойчивый психологический контакт с допрашиваемым. Важное значение имеет управление ходом допроса в условиях возможного психологического конфликта. Допустимыми являются исключительно правомерные методы психологического воздействия, прежде всего убеждение, направленное на формирование у лица внутренней мотивации к даче правдивых показаний, тогда как любые формы внушения и принуждения допустимы лишь в рамках закона. Перспективным направлением является использование полиграфа при условии его надлежащего правового регулирования, а также повышение уровня психологической и тактической подготовки следователей.

Список использованной литературы:

1. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий: монография / науч. ред. Н.Т. Ведерников. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. – С. 32.
2. Еникеев М.И. Основы юридической психологии: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – С. 215.
3. Васильев В.Л. Юридическая психология: Учебник для вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2010. – С. 497.

4. Ахмедшин Р.Л. Лекции по правовой психологии: учебное пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – С. 225.
5. Алексеева Т.А. Индивидуализация тактических приемов при производстве допроса: поддержание психологического контакта // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 399. – С. 157.
6. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – С. 168.
7. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то ни было форме – принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года. Ст. 21.
8. Еникеев М.И. Основы юридической психологии: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – С. 240.
9. Лаврентьева Т.В., Попова В.В. Проблемы производства допроса и пути их решения // Право и государство: теория и практика. – 2019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-proizvodstva-doprosa-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 05.04.2026).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, 22.09.1994 г., ЗРУ № 2013-XII (с изменениями и дополнениями на 01.09.2026) // Национальная база данных законодательства [Электронный ресурс]. URL: https://lex.uz/docs/111460. – Ст. 102.
11. Уголовный кодекс Республики Узбекистан, 22.09.1994 г., ЗРУ № 2012-XII (с изменениями и дополнениями на 01.09.2026) // Национальная база данных законодательства [Электронный ресурс]. URL: https://lex.uz/docs/111457. – Ст. ст. 238, 240.
12. Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учебник для магистратуры. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. – С. 45.
13. Холодный Ю.И. Некоторые прикладные аспекты производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Вестник криминалистики. – 2014. – № 2 (50). – С. 29.
14. Варламов В.А., Варламов Г.В. Компьютерная детекция лжи. – М.: Печатный дом, 2010. – С. 112.